

Гордеева Татьяна Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления и политики
Забайкальского государственного университета

**СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
ЖИТЕЛЕЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ
ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНСТИТУТУ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

Аннотация:

В статье представлены результаты дифференциации населения муниципальных районов Забайкальского края по отношению к институту местного самоуправления. Научная новизна определяется предложенным подходом к выделению групп в составе местного населения. В качестве переменных дифференциации взяты оценочные компоненты (оценка населением деятельности местных органов власти, проводимых решений, результатов и т. п.), установки людей (готовность проявлять инициативу, брать на себя ответственность) и самооценки респондентов. В итоге получена кластерная модель населения муниципального образования, состоящая из трех групп, различающихся типом поведения.

Ключевые слова:

социальная дифференциация, переменные дифференциации, кластер, местное самоуправление.

Gordeeva Tatyana Nikolayevna

PhD in Social Science, Assistant Professor,
State and Municipal Management
and Politics Department,
Trans-Baikal State University

**SOCIAL DIFFERENTIATION OF
THE MUNICIPAL RESIDENTS
REGARDING THE LOCAL
GOVERNMENT INSTITUTION**

Summary:

The article presents the research results of social stratification in the municipal districts of Trans-Baikal Territory in relation to the local government institution. Scientific relevance of the research is determined by the proposed approach to the classification of local population groups. As the variables of differentiation, the author takes the evaluation components (people's evaluation of the local authorities' activities, ongoing decisions, results, etc.), people's attitudes (willingness to show initiative, take responsibility) and self-assessment of respondents. As a result, the author has developed a cluster model of the municipal entity population, consisting of three groups differing in the type of behaviour.

Keywords:

social differentiation, variables of differentiation, cluster, local government.

Рассматривая местное самоуправление как социальный институт, принимаем во внимание, что четкое функциональное распределение, разделение прав и обязанностей членов местного сообщества обеспечивают институализацию социальных связей. Для каждого из членов сообщества существует определенная функция, поэтому у любого другого человека имеются соответствующие ожидания, причем достаточно обоснованные. Следовательно, характер поведения личности в рамках местного самоуправления (как социального института) должен быть предсказуемым. Вовлечение в процесс местного самоуправления характеризуется обезличенностью критериев к тому, кто включается в деятельность института или замещает выбывшего. Но для замещения кого-либо, занятия места в институализированных социальных связях требуется принять на себя конкретные обязанности и права, которые представляют исторически сложившийся, адекватный вариант поведения. Эффективное развитие института местного самоуправления зависит от моделей поведения населения, сложившихся в конкретный период времени. Институт местного самоуправления не может существовать и тем более эффективно функционировать, если население не нуждается в нем. Если нет необходимости в самоуправлении, значит, либо потребности населения могут удовлетворяться без его непосредственного участия в управлении, либо в сознании населения отсутствует механизм саморегуляции. Механизм саморегуляции реализуется через ценности и нормы, с одной стороны, при наличии легальных и легитимных условий для участия в управлении – с другой.

Гипотеза: отношение людей к институту местного самоуправления формирует определенный тип поведения (социальной активности). Можно дифференцировать население и выделить группы со сходным типом поведения по отношению к местному самоуправлению.

Исследование социальной дифференциации общества является одним из ведущих научных направлений в теоретической и прикладной социологии. Социальная дифференциация как предмет исследования традиционно занимает важное место в социологической литературе, поэтому так значительно число выполненных теоретических и эмпирических научных исследований в этой сфере. Важно отметить, что растет и разнообразие исследовательских подходов.

Нужно признать, что результаты объективных исследований и отраслевой статистики (муниципальной, электоральной, медицинской) сегодня не могут с достаточной полнотой дать характеристику определяющим факторам и динамике явлений, сфер, находящихся в поле научных интересов. Поэтому использование социологических научно-методических средств для изучения социальной дифференциации населения в отдельных сферах (здоровье, культура, политика, управление и др.) [1; 2; 3; 4; 5] становится определяющим фактором. Социологические методы при изучении указанных направлений сегодня применяются чаще всего на уровне сбора и анализа крупных массивов информации отдельных структур и ведомств. Масштабы баз данных ограничены рамками систем управления данными сферами, отраслями и обеспечивают потребности этой системы в формировании научно достоверной социальной информации.

Нерешенным для всех направлений остается вопрос о степени значимости критериев дифференциации для разных групп. Например, в работе В. Боттеро и К. Прэнди [6] показано, что различные, в зависимости от подхода, отправные точки исследования дифференциации приводят к «поразительно разным» теоретическим выводам о природе стратификации и неравенства. Действительно, единой точки зрения о том, какие основания социальной дифференциации являются наиболее важными, не выработано даже в стабильных обществах. Во многом исходя из специфики своих исследовательских посылок ученые выбирают ту или иную шкалу дифференциации или комбинацию нескольких шкал. Более того, они прибегают к «исключительной методологической изобретательности», чтобы, например, описать структуру американской системы городской стратификации [7].

В своем исследовании мы определили дифференциацию как разделение общества на общности, фрагментацию жизнедеятельности на совокупность относительно ограниченных культурных пространств, конкретных функций и социальных знаний. Таким образом, задачей исследования стало выделение групп в составе населения муниципальных образований, различающихся по отношению к институту местного самоуправления в культурном плане, ценностных основаниях, накопленном опыте. В качестве основания для дифференциации взяты факторы – переменные, выделенные и объединенные в результате факторного анализа из массива вопросов, представленных в анкете. Получено три фактора, которые были интерпретированы следующим образом.

Первый фактор, определенный как потенциал социальной активности, объединил вопросы о готовности работать в местных органах власти, проявить инициативу и взять ответственность, оценить свои знания, необходимые способности.

Во второй фактор вошли вопросы о частоте общения с соседями, необходимости и достаточности помощи от членов сообщества, о желании и возможности откликнуться на призывы о помощи, о характере взаимоотношений в поселении. Данный фактор был определен как уровень идентификации с местным сообществом.

Третий фактор включил вопросы об оценке деятельности местных органов власти, перспективах развития поселения и был интерпретирован как оценка местной власти.

Выделение факторов проводилось при помощи анализа методом главных компонент, метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. Мера выборочной адекватности КМО равна 0,762 при статистической значимости 0,0001, что позволяет применить полученные факторы для выявления существующих групп по отношению к институту местного самоуправления.

Кроме того, выделенные факторы четко обозначаются как признаки институализации местного самоуправления, которыми обладает каждый социальный институт: распределение прав, обязанностей и ответственности, статусных ролей, набора ценностей и целей в качестве установок и образцов поведения.

Далее наблюдения были кластеризованы методом К-средних, в результате получены три кластера (см. табл. 1).

Таблица 1 – Конечные центры кластеров

Факторы	1-й кластер	2-й кластер	3-й кластер
Потенциал социальной активности	-1,132 +++	0,733 --	0,344 -
Идентификация с местным сообществом	-0,301 +	-0,709 ++	1,123 ---
Оценка местной власти	0,013 +-	-0,226 +	0,244 -

Учитывая, что в таблице представлены повернутые компоненты, представим описание кластеров.

Первый кластер (171 человек) включает людей с достаточно высоким потенциалом социальной активности, то есть готовых работать в органах местной власти «хоть сейчас», проявить

инициативу и взять на себя ответственность в принятии решений. Уровень идентификации в данной группе средний (соседи, односельчане). Люди готовы жить и работать в поселении, хотели бы, чтобы здесь жили их дети и внуки, но если будут созданы соответствующие условия. Давая оценку деятельности местных органов власти, данная группа осторожна: наверное, скорее всего, местная власть справляется со своими полномочиями.

Второй кластер (187 человек) характеризуется низким потенциалом социальной активности, средней (но выше, чем в первом кластере) степенью идентификации (семья, соседи) и «удовлетворительной» оценкой местной власти: «стараясь, делают все, что могут».

Третий кластер (164 человека) объединил людей с низким потенциалом социальной активности, достаточно низкой степенью идентификации («каждый сам за себя», «редко общаюсь с соседями»). В оценке деятельности местной власти данная группа придерживается мнения, что «чиновники делают вид, что работают», что перспектив для развития нет, «власти мало что решают».

Дисперсионный анализ выделенных групп выявил статистически значимые различия между группами, поэтому можно говорить о наличии трех кластеров в составе населения муниципальных образований Забайкальского края, которые различаются между собой отношением к институту местного самоуправления.

Полученные группы были исследованы на зависимость от других факторов. По уровню образования выделяется только первый кластер, в котором показательна доля людей с высшим образованием – 59,1 %. В других кластерах относительно равномерно распределены люди по уровню образования. В первый кластер попали 51,7 % предпринимателей и 43,6 % служащих. Во втором кластере представлены 62,8 % пенсионеров и 40,2 % работников бюджетной сферы. Для третьего кластера характерно большое представительство учащихся и наемных работников (58,3 и 45,1 % соответственно).

Реформы, проводимые в экономическом, политическом, административном устройстве страны, актуализируют проблему дифференциации населения муниципальных образований по отношению к институту местного самоуправления. В современных условиях остро ощущается необходимость в изучении динамики социальной структуры муниципальных образований, определении важных, явных и латентных зависимостей различных процессов, характеризующих эти изменения.

Ссылки:

1. Curtis R. Differential Association and the Stratification of the Urban Community // *Social Forces*. 2013. № 42 (1). P. 68–77.
2. Kerbo H. Social Stratification: Trends and Processes [Электронный ресурс] // *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*. 2014. № 436 (2). P. 225–226. URL: <http://csx.sagepub.com/cgi/doi/10.1177/0094306114522415u> (дата обращения: 23.10.2015).
3. Reichert J. A Town Divided: Economic Stratification and Social Relations in a Mexican Migrant Community // *Social Problems*. 1982. № 29 (4). P. 411–423.
4. Германов И.А., Плотникова Е.Б. Уровень жизни и социальная стратификация в городах Пермского края // *Современный город: власть, управление, экономика*. 2013. № 3. С. 154–167.
5. Кикоть А.С. Влияние социальной стратификации на процесс доверия молодежи // *Культура. Наука. Интеграция*. 2013. № 2 (22). С. 17–21.
6. Bottero W., Prandy K. Social Interaction Distance and Stratification // *The British Journal of Sociology*. 2003. № 54 (2). P. 177–197.
7. Laumann E. *Prestige and Association in an Urban Community: an Analysis of an Urban Stratification System*. New York, 1966. 218 p.

References:

1. Curtis, R 2013, 'Differential Association and the Stratification of the Urban Community', *Social Forces*, no. 42 (1), p. 68-77.
2. Kerbo, H 2014, 'Social Stratification: Trends and Processes', *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*, no. 436 (2), p. 225-226, retrieved 23 October 2015, <<http://csx.sagepub.com/cgi/doi/10.1177/0094306114522415u>>.
3. Reichert, J 1982, 'A Town Divided: Economic Stratification and Social Relations in a Mexican Migrant Community', *Social Problems*, no. 29 (4), p. 411-423.
4. Germanov, IA & Plotnikova, EB 2013, 'Standard of living and social stratification in the cities of Perm Krai', *Modern City: Power, management, economics*, no. 3, p. 154-167.
5. Kikot, AS 2013, 'The impact on the process of social stratification confidence', *Youth Culture. Science. Integration*, no. 2 (22), p. 17-21.
6. Bottero, W & Prandy, K 2003, 'Social Interaction Distance and Stratification', *The British Journal of Sociology*, no. 54 (2), p. 177-197.
7. Laumann, E 1966, *Prestige and Association in an Urban Community: an Analysis of an Urban Stratification System*, New York, 218 p.